

На правах рукописи

Носков Михаил Александрович

**РОССИЙСКИЙ ТЕРРОРИЗМ НАЧАЛА XX ВЕКА В ОБЩЕСТВЕННОМ
ВОСПРИЯТИИ**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва – 2011

Работа выполнена на Кафедре истории России XIX – начала XX века Исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

Научный руководитель: **Андрей Анатольевич Левандовский**
кандидат исторических наук, доцент

Официальные оппоненты: **Сергей Александрович Степанов**
доктор исторических наук, профессор

Татьяна Леонидовна Пантелеева
кандидат исторических наук, доцент

Ведущая организация: Московский педагогический государственный университет

Защита диссертации состоится «....» 2011 г. в часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4., ауд. А419

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27

Автореферат разослан «.....» 2011 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

доктор исторических наук, профессор

Г.Р. Наумова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Одним из проявлений социально-политического кризиса в России начала XX века стала вспышка революционного насилия – стало стремительно расти число террористических актов. Если за последние сорок лет XIX века жертвами террористов стали не более 100 человек, то в 1900-е годы количество убитых измерялось тысячами. Лишь за время революции 1905-07 гг. в ходе террористических актов, по официальным данным, были убиты и ранены 7,634 человека.¹ Российский терроризм менялся и количественно, и качественно. Вначале на смену боевым предприятиям небольших революционных кружков пришел центральный партийный террор, затем политические убийства стали массовыми, а терроризм - внепартийным. Террористическая практика стала закономерным продолжением революционных идей, получивших небывалое распространение, открытым выражением давно назревшего конфликта между властью и радикальной оппозицией.

Хронологические рамки данной работы - период с 1901 по 1911 годы – с первого политического убийства, ознаменовавшего начало новой террористической кампании, и до прекращения деятельности большинства боевых отрядов. В указанный период перед российским обществом со всей остротой встала проблема отношения к террору. Обстоятельства вынуждали российских подданных задавать себе вопросы о причинах и целях этого явления, о правомерности использования насилия в борьбе за власть, об эффективности

¹ Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917. М. 1997. стр. 13, стр. 32

терроризма. Теоретики индивидуального террора стремились с его помощью разбудить в людях революционное сознание и одновременно расшатать позиции самодержавной власти. Насколько успешно выполнялись эти задачи, можно установить, изучив общественное отношение к террору.

В работе используется определение терроризма, данное британским исследователем Джейкобом Хардманом: терроризм - это *метод или теория, обосновывающая метод, посредством которого организованная группа или партия стремятся достичь провозглашенных ею целей преимущественно через систематическое использование насилия.*² Это позволяет рассматривать терроризм как систему идей и конкретных актов политического насилия.

Терроризм – не только политический, но и социокультурный феномен. Он вынуждает общество ставить общефилософские вопросы, затрагивает целый ряд сфер духовной жизни. Чтобы дать оценку общественному восприятию террора, недостаточно сказать лишь об одобрительном или же негативном отношении большей части населения к терактам.

Актуальность изучения проблем терроризма в последние десятилетия неоспорима. Вопросами о причинах и предпосылках террористических выступлений, о социальной, политической и психологической обусловленности терроризма задаются социологи, психологи, политики, специалисты в области безопасности и права. Они неизбежно приходят к необходимости разобратся в истоках терроризма. А без понимания механизмов взаимодействия общества с террористическим подпольем невозможно в полной мере разо-

² Hardman J. B. S. The Terrorism reader. London. 1979, p. 223

браться в его особенностях. Кроме того, без рассмотрения феномена революционного насилия невозможно воссоздать социально-политическую ситуацию в России 1900-х годов.

Предмет исследования – восприятие российским обществом начала XX века терроризма и его конкретных проявлений. Общественное мнение – это отношение населения к событиям, к деятельности различных групп, организаций, отдельных личностей, в нашем случае связанных с терроризмом. Общественное мнение выражает позицию одобрения или осуждения, регулирует поведение отдельных людей, социальных групп и институтов, насаждает определенные нормы общественных отношений.

Объектом исследования являются различные общественные группы, объединенные сходным отношением к вопросам террора.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- 1) Проанализировать отношение к всплеску террористической борьбы со стороны различных частей общества: оппозиции, власти и консервативных кругов, обывателей и художественной интеллигенции.
- 2) Сравнить отношение различных групп, понять, было ли общественное мнение единым и насколько отличались взгляды российских подданных на политическое насилие, как они менялись со временем.
- 3) Сделать выводы о взаимном влиянии российского террористического подполья на взгляды различных общественных групп и оценить, как общественное мнение влияло на ход террористической кампании.

Степень изученности проблемы. Теме терроризма в целом и российско-го терроризма начала XX века посвящено множество исследований. Отдельные работы посвящены политическим партиям и движениям, применявшим политические убийства и ограбления, противостоянию власти с террористами и тайной полицией, биографиям видных деятелей террора. Большое внимание исследователи уделили теоретическому обоснованию террора, его истокам и влиянию на политическую обстановку в Российской империи 1900-х годов.

Непрерывной историографической традиции российского терроризма так и не сложилось. Условно историографию по теме можно разделить на четыре этапа. *Первый этап* - со второй половины 1910-х до середины 1930-х годов, когда предпринимались первые попытки осмыслить российский терроризм его современниками.³ Однако литература деятелей освободительного движения и полицейских скорее относится к мемуаристике, а советские историки 1920-30-х годов недостаточно активно занимались этой темой: они давали терроризму исключительно негативную оценку, руководствуясь оценками В.И. Ленина.⁴ *Второй этап* продолжался с середины 1930-х до середины 1960-х годов – в этот период российский терроризм стал фактически запретной темой, особенно после выхода «Краткого курса истории ВКП(б)» в 1938 году, который объявил индивидуальный террор «ложной теорией».⁵ *На третьем этапе*, с середины 1960-х до середины 1980-х годов, терроризм по-

³ Спиридович А.И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. Пг. 1916, Ивич М. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охраны. М. 1918

⁴ Черномордик С.И. Эсеры (Партия социалистов-революционеров). Харьков 1929, Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. М-Л. 1928

⁵ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). М., 1938, с. 12, с. 21

прежнему рассматривался отечественными историками как тактика мелкобуржуазных партий. Провозглашалось, что терроризм был оторван от нужд общества и использовался лишь мелкобуржуазными деятелями, общественное отношение к терроризму фактически не изучалось.⁶

Большой интерес к теме российского терроризма в 1960-80-е годы проявили *зарубежные исследователи*. В странах Запада активно писали и о теоретических основах терроризма⁷ и о российском терроризме начала XX века.⁸ Американские и европейские ученые затрагивали и тему общественного отношения к российскому терроризму, но единого отношения к данному вопросу не выработали. Одни говорили об оторванности русских террористов начала XX века от масс⁹, другие отмечали, что российские подданные скорее сочувствовали террору.¹⁰ Западные исследователи подняли вопрос о культурологическом аспекте русского терроризма.¹¹ В 1993 году в США появилась критическая работа Анны Гейфман о российском терроризме, оказавшая заметное влияние на современную российскую историографию.¹²

С конца 1980-х годов российская историография терроризма вошла в *четвертый этап* своего развития. В связи с ослаблением идеологической со-

⁶ Например Мухин В.М. Критика В.И. Лениным субъективизма и тактического авантюризма эсеров. Ереван. 1957; Гусев К.В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М. 1975

⁷ Hardman J. B. S. The Terrorism reader. London. 1979, Laquer W. Terrorism. Boston-Toronto 1977, Naimark N. M. Terror and the Fall of Imperial Russia. Boston 1986

⁸ Avrich P. The Russian Anarchists, Princeton. 1967, Knight A. Female Terrorists in the Russian Socialist Revolution Party // The Russian Review. 1979 №38 (2)

⁹ Venturi F. Roots of Revolution: A History of the Populist and Socialist Movement in Nineteenth Century Russia NY 1970

¹⁰ Hildermeier M. The Terrorist Strategies of the Social-Revolutionary Party in Russia // Mommsen and Hirschteld Social Protes, Violence and Terror. NY 1982

¹¹ Bilington J.H. The Icon and Axe: An Interpretative History of Russian Culture. NY 1967, Kelly A. Self-Censorship and the Russia Intelligentsia 1905-1914 // Slavic Review 1987 №46 (2)

¹² Geifman A. Thou Shalt Kill: Revolutionary Terrorism in Russia, 1894-1917, Princeton 1993. Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917. М. 1997 (Пер. Е. Дорман)

ставляющей в науке появилась возможность давать различные оценки террора и отношения общества к нему. Изначально исследователи терроризма сосредоточили внимание на партии социалистов-революционеров, ответственной за наиболее громкие акты центрального террора,¹³ затем российские историки обратились и к другим направлениям - в частности, к анархистскому подполью.¹⁴ Стали выходить обобщающие работы, затронувшие тему отношения российского общества к терроризму: так, О.В. Будницкий проводит прямую связь между динамикой развития террора и изменением общественных настроений.¹⁵ В.Э. Багдасарян и А.А. Бакаев также стремятся дать комплексную оценку российскому революционному радикализму.¹⁶

Многие исследователи продолжают заниматься частными вопросами террора¹⁷ и работы политической полиции.¹⁸ С начала 1990-х годов осмыслением террора занимались не только историки, но также философы и культурологи – Г.И. Авцинова, А.С. Баранов, М.Б. Могильнер, В.Б. Петухов – которые отмечают, что российский терроризм начала XX века влиял не только на политическую, но также на повседневную и культурную жизнь общества.¹⁹

¹³ Гусев К.В. Рыцари террора. М. 1992, Леонов М.И. Эсеры в революции 1905-1907 гг. Самара. 1992, Павлов Б.Д. Эсеры-максималисты в первой российской революции, М. 1989, Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров 1907-1914 гг. М. 1998, Городницкий Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров 1901-1911 гг. М. 1998.

¹⁴ Кривенький В.В. Анархисты в революции 1905-1907 гг. Диссертация... кандидата исторических наук. М. 1990, Анархисты: Документы и материалы. 1883-1935 гг. т. 1 1883-1916 гг.

¹⁵ История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону 1996; Женщины-террористки. Бескорыстные убийцы. Ростов-на-Дону. 1996 г.

¹⁶ Багдасарян В.Э. Бакаев А.А. Российский революционный терроризм через призму исторической и общественно-политической мысли М. 2004

¹⁷ Прайсман Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы М. 2001

¹⁸ Перегудова З.И. Политический сыск России. М. 2000

¹⁹ Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: социокультурный аспект. Киев 1995, Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX - начала XX века. Диссертация ... кандидата культурологических наук. М. 2000, Могильнер М.Б. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начал XX в. как предмет семиотического анализа. М. 1999, Петухов В.Б. Серебряный век русской культуры и терроризм. Ульяновск 2006

Целый ряд трудов посвящен явлению терроризма в целом: авторы сходятся, что всплеск политического насилия в 1900-х годах был обусловлен как действиями революционеров, так и реакцией власти и масс.²⁰

Исследователи российского терроризма начала XX века добились заметных успехов в разработке связанных с ним вопросов, но отдельных книг о восприятии терроризма российским обществом ни в 1990-е, ни в 2000-е годы не появилось. Большинство исследований затрагивает тему терроризма начала XX века в общественном мнении вскользь и не проводит должного различия между отдельными кругами российского общества. В результате представляется целесообразным рассмотреть отношение российского общества к терроризму начала XX века, ответить, какую роль общество играло в становлении террора и каким образом он влиял на жизнь российского общества.

Источниковая база исследования. Общественное восприятие российского терроризма отражено в значительном числе источников. Их можно разделить на четыре группы в зависимости от того, взгляды какой части общества они выражают: оппозиционеров, сторонников власти, аполитичных слоев и творческой интеллигенции.

Восприятие терроризма оппозиционными кругами отразилось и в нелегальных изданиях, таких как эсеровские «Революционная Россия» и «Знамя труда», социал-демократические «Правда» и «Искра», анархистские «Бун-

²⁰ Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. М. 1998, Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера Спб. 2006, Ольшанский Д.В. Психология террора. М. 2002

тарь» и «Буревестник»,²¹ и в легальной либеральной печати – «Освобождение», «Русская мысль».²² Также в больших количествах сохранилась художественно-пропагандистская литература революционного лагеря.²³ Множество источников личного происхождения позволяет судить о том, как террористическая риторика и практика сочетались у различных партий и движений: эсеров,²⁴ социал-демократов,²⁵ анархистов.²⁶ Деятели либеральной оппозиции также оставили немало личных документов, позволяющих восстановить их отношение к террору.²⁷ Весьма интересный источник о взглядах оппозиции на террор – стенограммы заседаний Государственной Думы:²⁸ в 1905-1907 годах вопрос о террористах поднимался там неоднократно.

Отношение представителей государственной власти к террору следует оценивать и по официальным делопроизводственным источникам,²⁹ и по за-

²¹ [Чернов В.М.] Террористический элемент в нашей программе // Революционная Россия 1902 №7; Memento! // Революционная Россия. 1905 № 7; Савинков Б. Террор и дело Азефа // Знамя труда. 1909 №15; Террор и дело Богрова // Знамя труда. 1911 г. №38. Ленин В.И. С чего начать? // Искра 1901 №4; Современное положение России и тактика рабочей партии // Партийные известия 1906 №1; Плеханов Г.В. Смерть Сипягина и наши агитационные задачи // Искра 1902 №20. К характеристике нашей тактики. II Террор // Хлеб и воля. 1903 №5; П-ский. Об экспроприациях // Буревестник. Париж 1906 №1

²² Е.Т.[Трубецкой Е.Н] Политические казни и убийства // Московский еженедельник 1906 №4; Изгоев А.С. По поводу убийства П.А. Столыпина // Русская мысль. 1911 №10; Струве П.Б. Преступление и жертва // Русская мысль 1911 №10

²³ Например, Новиков И. Небо молчало. М. 1907; Скиф Р. Государственные преступники; Песни борьбы: сборник стихотворений. Ростов-на-Дону. 1906 и др.

²⁴ Чернов В.М. Перед бурей. Нью-Йорк, 1953; Савинков Б.В. Воспоминания террориста. Харьков, 1928; Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953

²⁵ Боевая группа при ЦК РСДРП (б) (1905-1907 гг.) Статьи и воспоминания. М.-Л. 1925; Вулих Т.И. Встреча с большевиками-эксистами // История терроризма в России в документах; Мошинский И.Н Ф.Э. Дзержинский и варшавское подполье в 1906 г. // Каторга и ссылка. 1928 №50; Мурашов П.В. Столица Урала в 1905-1908 гг. // Каторга и ссылка. 1930 №4 (№65); Мызгин И.М. Со взведенным курком. М. 1964; Первая боевая организация большевиков 1905-1907. М. 1934; Тюменская организация РСДРП // Каторга и ссылка 1934 №4 (113)

²⁶ Альманах. Сборник по истории анархического движения в России. Т. 1. Париж. 1909, Симанович В. Воспоминания пролетария // Каторга и ссылка, 1931 г. №6 (79); Аршинов П.А. Два побега: (Из воспоминаний анархиста 1906–9 гг.). Париж, 1929

²⁷ Милюков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк 1955; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк. 1954, Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк. 1952

²⁸ Государственная дума. Стенографические отчеты. 1905-1907

²⁹ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX вв.). Сборник документов. М. 2001; Террор и агентура в Российской империи 1861-1917 гг. Сборник документов, материалов, воспоминаний. Воронеж 2007

явлениям правительственной прессы («Правительственный вестник», «Московские ведомости»), и по дневникам, воспоминаниям и письма представителей власти.³⁰ Много о терроризме писали представители политического сыска – высшие руководители³¹ и отдельные агенты охраны.³²

Сведения о восприятии террора широкими общественными кругами и обывателем представлены в дневниках и воспоминаниях современников.³³

Интересную картину общественных настроений рисуют массовые издания («Новое время», «Русское слово») и бульварная пресса («Московский листок», «Петербургский листок»), развлекательная литература о террористах.³⁴

Художественная литература начала XX века является ценнейшим источником, показывающим, как глубоко российский терроризм проник в культурную жизнь страны. Проблематику терроризма затрагивали в своих произведениях Андрей Белый³⁵, Александр Грин³⁶, Леонид Андреев,³⁷ ею интересовались многие выдающиеся литераторы.³⁸ Особняком стоит творчество одного из руководителей Боевой организации ПСР Бориса Савинкова.³⁹

³⁰ Дневник императора Николая II. М. 1991, Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997 №№2-4, Курлов П.Г. Гибель Императорской России. М. 1992, Витте С.Ю. Воспоминания в 3 т. Л. 1924, Богданович А.В. Три последних самодержца. М. 1990

³¹ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» графа С.Ю.Витте) М.-Пг. 1923, Новицкий В.Д. Из воспоминаний жандарма. М. 1991, Спиридович А.И. Записки жандарма. М. 1991, Герасимов А.В. На лезвии с террористами. М. 1991

³² Меньшиков Л.П. Охрана и революция, ч. 3 М. 1932, Бакай М.Е. Из воспоминаний. //Былое №7, 1908

³³ С. Елпатьевский. Из воспоминаний // Красная новь 1928 №8, Минцлов С.Р. Дневник // Голос минувшего. 1917. № 9/10, Суворин А.С. Дневник. М., 1992

³⁴ Плетнев А. Исповедь террориста. Спб. 1906; Азовец Н.В. Смутная пора. Роман из современных событий. Ростов-на-Дону. 1908

³⁵ Белый А. Петербург: Роман в восьми главах с прологом и эпилогом. Спб. 1913

³⁶ Грин А.С. Шапка-невидимка. Сборник рассказов // Собрание сочинений в шести томах. Том 1. М. 1980; Он же. Трагедия плоскогорья Суан // Там же.

³⁷ Андреев Л.Н. Тьма; Савва; Рассказ о семи повешенных // Повести и рассказы в 2-х томах. М. 1971. Он же. Сашка Жегулев // Дневник Сатаны. М. 2006

³⁸ Блок А. Письма 1898-1921. М.-Л., 1962

³⁹ Ропшин В. Конь бледный. Спб. 1909; Он же. То, чего не было. // Заветы. 1912. №№ 1–9

Обширный комплекс источников позволяет составить достаточно полное представление о том, каким был российский терроризм начала XX века в восприятии современников. Указанные источники дают возможность воссоздать картину общественного мнения и реализовать задачи исследования.

Структура исследования продиктована его предметом, объектом и задачами. В первой главе приводится фактический очерк о терроризме в России начала XX в. Описаны основные этапы террористической борьбы и радикальные группы 1900-х годов. Во второй главе рассказывается об отношении к терроризму в среде оппозиционеров – революционеров и либералов. В третьей главе анализируется реакция представителей правящих верхов и консервативного общества, сотрудников политического сыска. В четвертой главе анализируется реакция на террор широких слоев общества, восприятие террора на обывательском уровне. В пятой главе рассматривается ряд произведений художественной литературы начала XX века, посвященных террору.

Методологический инструментарий работы напрямую не связан с каким-либо одним из существующих научных направлений, однако при анализе материала и обобщении нами были использованы два классических, наиболее общих методологических подхода – историко-генетический и историко-системный. Историко-генетический метод как «последовательное раскрытие свойств, функций и изменений исследуемой реальности в процессе ее исторического движения» позволяет представить российский терроризм начала XX века не как статичный феномен, а как динамично развивающееся явление. Историко-системный метод позволяет рассмотреть российский терро-

ризм как систему, обладающую множеством внутренних взаимосвязей, проследить ее связь с системами более высокого уровня⁴⁰ – политическим и социальным устройством Российской империи, российской культурой. Применение указанных методов позволяет перейти от фиксации отдельных фактов к обобщению, осмыслить терроризм как целостное, меняющееся явление, определить его место в сознании различных общественных групп и в общественно-политической и культурной жизни России начала XX века.

Научная новизна исследования обусловлена подходом к изучаемой проблеме: автор систематизировал отношение различных групп российского общества к террористической кампании начала XX века. Терроризм рассмотрен не только как средство революционной борьбы, но и как часть общественно-политической системы, как социокультурное явление.

Практическая значимость исследования: Материалы и выводы исследования могут быть использованы в ходе дальнейшего изучения отечественной истории начала XX века, при создании обобщающих исследований по истории российского терроризма, общих и специальных курсов.

Апробация работы: Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории России XIX – начала XX вв. Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова 30 сентября 2010 г. Основные положения диссертации были изложены автором в ряде публикаций.

⁴⁰ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М. 1987, с. 170, с. 183

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность работы, определяются ее проблематика, цели и задачи, приводятся основные положения работы, дается характеристика литературы и источников.

В первой главе дается общий очерк истории российского терроризма начала XX века. Истоки терроризма следует искать в остром социально-политическом и экономическом кризисе, охватившем Российскую империю в указанный период.⁴¹ В условиях этого кризиса революционное подполье прибегло к тактике, опробованной народолюбцами еще в XIX веке – к индивидуальному террору. Первое политическое убийство XX века произошло 14 февраля 1901 г., когда студент Петр Карпович убил министра образования Н.П. Боголепова. За следующие полтора десятилетия российский терроризм претерпел значительную эволюцию. На первом этапе, в 1901-04 гг., социалисты-революционеры практиковали отдельные теракты против высших сановников. Однако уже в 1905-07 гг., в разгар революции, убийства и экспроприации освоили эсдеки, максималисты, анархисты и безыдейные «террористы нового типа».⁴² На данный период пришлось максимальное число убийств и экспроприаций. В 1908-1911 гг. в связи с усилением правительственных репрессий и общим спадом революционной активности число терактов снизилось, крупные партии практически отвернулись от терроризма, главную роль в политических убийствах стали играть анархисты и полууголовные элемен-

⁴¹ Кризис самодержавия в России. 1895-1917. Л. 1984, с. 45, с. 46, с. 69

⁴² Гейфман, с. 177-178

ты. В 1912-1917 гг., терроризм перестал быть заметным явлением повседневной жизни, хотя остался частью революционной субкультуры и теории.

В первой главе показано, что российский терроризм имел объективные причины и предпосылки, а боевики начала XX века опирались на укоренившуюся традицию политического насилия. Во-вторых, терроризм был необычайно масштабным явлением, он неизбежно затрагивал самые разные слои общества. В-третьих, в 1901-17 гг. российский терроризм успел серьезно измениться и в теории, и на практике: при этом он не был побежден властями и не изжит, пока существовала царская Россия.

Во второй главе проанализировано отношение революционных и либеральных кругов к террористической кампании. Терроризм в той или иной мере поддерживали практически все представители радикальной и либеральной оппозиции, однако они никогда не были едины в отношении к террору, и даже за общими методами боевиков скрывались различные задачи и оценки. Кроме того, отношение российской оппозиции к террору не было статичным. Стремительное развитие революционной активности, а затем наступление периода реакции и появление «терроризма нового типа» приводили к тому, что террор то привлекал новых сторонников, то отпугивал прежних.

Главными идеологами российского терроризма выступали представители Партии социалистов-революционеров: они дали подробное обоснование терроризма в своих программных статьях, выработали моральное оправдание террора и последовательно занимались организацией громких политических убийств. Они устранили министров внутренних дел Д.С. Сипягина и В.К.

Плеве, московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. При этом эсеры оказались не способны обернуть эти громкие теракты на пользу революции или серьезно пошатнуть позиции самодержавия. В период максимального подъема террористической борьбы эсеры утратили свою монополию и фактически перестали быть «лицом» российского терроризма.

Марксисты не занимались теоретическим оправданием терроризма и даже вели активную полемику с эсерами, доказывая, что террор вреден делу революции: В то же время лидеры РСДРП никогда не считали терроризм запретным приемом, они задумывались лишь о том, как рационально его использовать. В ряде публикаций «Искра» сама призывала оказывать вооруженное сопротивление представителям власти, а представители партийных групп на местах зачастую практиковали экспроприации. В.И. Ленин, не признавая открыто причастности экспроприаторов и террористов-эсдеков к партии, готов был пользоваться услугами боевиков. Рядовым членам партии также было известно о деятельности террористов-экспроприаторов, хотя их работа не афишировалась.⁴³ Партия социал-демократов не имела четко сформулированного ответа на индивидуальный террор, но гораздо лучше представляла, какую прагматичную пользу должны приносить теракты.

Российские анархисты внесли значительный вклад в дело террора: именно они ответственны за наибольшее число политических убийств и экспроприаций в годы Первой русской революции.⁴⁴ В поддержку терроризма

⁴³ Вулих Т.И. Встреча с большевиками-эксистами, с. 411

⁴⁴ Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX - начало XX в.). М. 2000

высказывались практически все анархистские группы, но ни одна из них не создала полноценной террористической идеологии и не объяснила, каким образом действия боевиков должны привести к свержению существующего социально-политического строя и установлению анархистского идеала. Анархисты опустили планку выбора жертв, атаковали не царских сановников, а в основном солдат, полицейских и казаков, грабили лавочников и фабрикантов, их случайными жертвами становились невинные люди. Анархисты принимали в свои ряды бывших уголовников, зачастую руководствовались жаждой мести или наживы, за что подвергались критике со стороны других революционеров. Таки образом, анархисты способствовали разложению российского терроризма, его вырождению в *квазиполитическое явление*, граничащее с криминалом. С другой стороны, когда остальные партии отреклись от боевых предприятий, именно анархисты стали лицом террора, исповедуя идеологию «террористической войны на уничтожение».⁴⁵

Российские либералы не принимали прямого участия в терроре, однако выказывали ему скрытую поддержку. Либеральные издания оправдывали действия террористов, объясняя их недостатками существующего в России строя, а депутаты-либералы раз за разом отказывались осудить боевиков на заседаниях Думы. Многие либералы оказывали посильную помощь террористам: предоставляли им убежище и деньги. В частных беседах лидеры Кадетской партии высказали надежду, что террористическая угроза толкнет цар-

⁴⁵ Баранов А.С. Революционный терроризм как феномен русской культуры конца XIX - начала XX века. Диссертация на соискание степени кандидата культурологических наук. М. 2000, с. 16

ское правительство на путь реформ. При этом в период массового разгула террора многие либералы отвернулись от него, начав критиковать данное явление. Либералы так и не сумели направить террор в нужное им русло: кадеты не смогли шантажировать власть угрозой терактов, а сторонники мирного пути не убедили революционеров отказаться от политических убийств.

В начале XX века значительная часть радикальной и либеральной оппозиции объединили силы в поддержке терроризма. Терроризм воспринимался оппозиционерами и как средство для борьбы с режимом и получения от власти уступок, и как способ доказать свою правоту в межпартийной борьбе, и просто как инструмент для решения текущих задач, был для боевиков настоящей философской системой. При этом противники царской власти не смогли добиться своих политических целей с помощью терроризма. Самую известную террористическую партию – ПСР – террор привел к глубокому кризису. Кадеты много говорили о терроре и пытались запугать им власть, но в результате так и не повлияли на политику правительства. Анархисты, активнее всех занимавшиеся террором, не ставили перед собой конкретных целей, и их боевая работа быстро приобрела полууголовный и сиюминутный характер. Лишь социал-демократы, которые использовали экспроприации и боевую тактику в дни революции, извлекли от терроризма конкретную пользу. В целом же при всей внешней эффектности терактов была ясна политическая беспомощность террористов.

В третьей главе описано восприятие терроризма представителями царской бюрократии и политической полиции. Всплеск терроризма в начале

XX века затронул самые разные уровни власти: от рядовых сторонников правящего режима до высших сановников и царя. Постоянная угроза со стороны боевиков сказывалась и на политических решениях, и на образе жизни правящих кругов, и на их умонастроениях. Царизм чувствовал опасность, но не мог и не хотел сдавать позиции революционерам. При этом власти не сумели выработать эффективного способа борьбы с терроризмом. Главной проблемой, не дававшей это сделать, было непонимание причин и предпосылок возникновения терроризма, неадекватная оценка террористического подполья.

Ответить на всплеск активности боевиков мешало и отсутствие подлинного единства в правящем лагере. Элита не сплотилась перед общей угрозой: взаимные конфликты, интриги и подозрения сохранялись в чиновничьей и полицейской среде даже в пору наивысшего подъема революции.

Не имея всеобъемлющей программы по искоренению террора, власть использовала против него жесточайшие карательные меры, но одновременно давала Департаменту полиции возможность заигрывать с революционным подпольем – использовать тайных агентов и провокацию. Карательные меры позволили избавиться от множества террористов, но не искоренили явление в целом. Охранка также не сумела побороть террор и обезопасить представителей власти. Благодаря провокаторам Департамент полиции обладал колоссальным количеством данных о подполье, но при этом не мог и не хотел полностью покончить с политическим насилием. И в верхах не предпринимали попыток бороться с таким положением дел. Можно подозревать, что царизм считал существующую систему достаточно эффективной – она не давала ре-

волюционерам свергнуть режим или убить царя, и за это власть готова была мириться с кровавыми «издержками».

Российский терроризм в итоге оказался не средством разрешения конфликта, назревшего в стране в начале XX века, а средством его взращивания. Такая ситуация была создана общими усилиями оппозиции и власти. Революционеры с помощью тысяч убийств не сумели добиться свержения власти. Но и государство, много лет боровшееся с террором, не смогло победить его.

В четвертой главе дана характеристика отношения к терроризму масс и обывателя. Террор начала XX века повлиял даже на далекие от политики общественные слои. Громкие теракты были приняты обществом с удивительным интересом и одобрением. Интеллигенция, капиталисты, рабочие и даже крестьяне изначально поддерживали терроризм, спонсировали боевиков и оказывали им моральную поддержку. Однако число жертв террора постоянно возрастало, а теракты перестали поражать обывателя своей новизной. В связи с этим слабела финансовая и моральная поддержка террора.

При этом терроризм как явление оказался понятен и интересен обывателю. Публика легко усваивала образы, связанные с терроризмом, они входили в обиход. Политическое насилие становилось предметом для шуток и досужих разговоров, бытовым явлением. Терроризм, очевидно, отвечал запросам широких слоев общества. Он не воспринимался как главная угроза обществу и обывателю, не считался чем-то исключительным.

Несмотря на интерес к конкретным проявлениям терроризма, убийства царских сановников не заставили основную массу населения включиться в

борьбу с самодержавием. Принимая и обсуждая террор, большинство оставалось пассивным: дав радикалам моральную санкцию на продолжение борьбы, обыватели самоустранились от участия в противоборстве власти и революционеров. Широкое распространение терроризма и его превращение из политического явления в социально-политическое, с одной стороны, играло на руку революционному движению. С другой стороны, это подрывало основы террористической идеологии, террор превращался в аполитичное явление. Такая деградация террора вкупе с его массовым усвоением свидетельствовали о глубоком кризисе власти и общества. Это было одним из симптомов тяжелого кризиса, поразившего Российскую империю.

В пятой главе представлено отражение террористической тематики в ряде произведений русской литературы начала XX века. Сюжеты из жизни боевиков вошли в большую литературу в 1905-07 годах. Для литературы этого периода характерен интерес не к политическим идеям и общественным процессам, связанным с террором, а к личности террориста и моральной проблематике. Терроризм удачно вписался в мировосприятие и творчество писателей и поэтов Серебряного века: гуманисты видели в нем повод для рассуждений о ценности человеческой жизни ("Шапка-невидимка" Александра Грина), декаденты – об упадке и незавидной судьбе общества ("Тьма" Леонида Андреева), модернисты восприняли терроризм как еще одну краску в своей творческой палитре ("Петербург" Андрея Белого).

Литература, всегда игравшая огромную роль в российской общественной жизни, могла бы вывести осмысление терроризма на новый уровень, по-

мочь обществу выработать единое отношение к террору. Однако удалось реализовать лишь первую задачу. Русские литераторы подняли террористическую тему на новый, художественно-философский уровень. Но идеи о том, как преодолеть вспышку революционного насилия или как использовать ее на пользу обществу, не появилось. В то же время с помощью литературы терроризм еще глубже интегрировался в структуру общества.

В заключении подводятся основные итоги исследования. Терроризм в России начала XX века был крайне разносторонним и масштабным явлением. Охватив всю империю, он на полтора десятка лет стал неотъемлемой частью жизни общества, перестав при этом быть сугубо политическим феноменом. Террор начал играть важную роль в социальной и культурной жизни общества. Он был не просто проявлением кризиса, охватившего страну, но глобальным явлением, влиявшим на умонастроения людей и ситуацию в стране.

Взаимодействие между терроризмом и общественным мнением было двусторонним: теракты вызывали ответную реакцию в обществе, а эта реакция, в свою очередь, заставляла российский терроризм эволюционировать. В его развитие внесли свою лепту и революционные, и консервативные, и аполитичные силы. Их оценки и ответные действия давали в итоге ту равнодействующую, которая определила развитие российского терроризма: его усиление и распространение, а затем вырождение и деградацию.

Активное усвоение терроризма российским обществом свидетельствует, что он оказался крайне органичным явлением для России начала XX века. Он проник в жизнь общества куда глубже, чем рассчитывали партийные

идеологи. Российские подданные сами шли в террор, придумывали ему оправдания, интересовались им, обсуждали его, использовали в своих целях и одновременно боялись его, избегали и заболели из-за него психическими расстройствами. Реакция общества на террор свидетельствует, что оно готово было принять и по-своему осмыслить революционное насилие.

Терроризм долгое время был непобедим, поскольку существовал сразу на множестве уровней, и попытки власти побороть его политическими репрессиями и запретами ни к чему не вели. Все дореволюционное общество – от оппозиционеров и до власть имущих, от обывателей и до художественной элиты – воспринимало террор как неотъемлемую часть действительности. При этом ни одна из общественных групп не смогла использовать террор себе на пользу, направить энергию радикалов в продуктивное русло и с его помощью преодолеть кризисные явления. Политические, социальные и экономические проблемы, породившие террор, так и остались неразрешенными и со временем лишь обострились. К полному исчезновению терроризма в прежнем виде могло привести лишь коренное изменение общества – такое, какое произошло после двух революций 1917 года.

Основное содержание работы изложено в следующих публикациях:

1. **Носков М.А.** Российский терроризм начала XX века: спор ПСР и РСДРП / М.А. Носков // Мир в новое время. Одиннадцатая всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных. Сборник тезисов. – СПб.: СПбГУ, 2009. С. 172-174
2. **Носков М.А.** Анархистский терроризм в России начала XX века / М.А. Носков // *Этносоциум и межнациональная культура. 2010 №6* Москва: Международный издательский центр Этносоциум. 2010. С. 164-168 (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).
3. **Носков М.А.** Российский терроризм начала XX века в восприятии оппозиции и властей / М.А. Носков // *Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2011 №1* Москва: МГУ, 2011. С. 90-97. (Журнал входит в перечень изданий, утвержденных ВАК).